
Автор представлен членом Художественного совета **Зиновием Антоновым**

ОТ МЕНЯ ДО ТЕБЯ

От меня до тебя – звук.
От тебя до меня – слово.
Сколько надо связать букв,
Чтобы ближе не стать снова,

Чтобы вытравить вязь нот,
Чтобы всходом взрасти горним?
Толь тебя перейти вброд,
То ли вырвать себя с корнем...

Может, вызубрить: враг? друг?
Может, зелья сварить злого,
Чтоб другим не читать вслух,
Как болит по тебе слово?

То ли камень с души снять,
То ли с глаз не срывать ленту,
То ли имя тебе дать,
Чтобы стать для него чем-то:

Если звуком – то пусть «до»
Если словом – то в два слога,
Если миром – то пусть до
Оставления им Бога.

пришла пора говорить слова
о том, что я не всегда мудра,
о том, что если горчит халва,
то это не повод хандрить с утра.
пришла пора говорить – пора
рубить дрова на траве двора,
крошить батон и качать права,
иначе зачем еще голова?
а может, просто смолчать сперва,
стерпеть нелепые те слова,
ведь это просто, как дважды два:
признать – я, в общем-то, не права.
расклад простой: Магомет-гора,
но я нема, как земли кора,
и скучный день птицеликий Ра
качает, и лодка его остра.

МНЕ СНИЛСЯ ДЕНЬ

Мне снился день. Зеленая вода
И золотые пляжи в Новом Свете.
А мы с тобою – маленькие дети,
И над землей не властны холода.

Мне снился юг. Влюбленная лоза
Твою, склоняясь, пробовала кожу.
На что тогда любовь была похожа,
Когда в глазах плескалась бирюза?

Мне снился Рай, в котором мы вдвоем –
Ученики Господней высшей школы –
Рисуем мир, крылаты и бесполы
В счастливом созерцании своем.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АЛЬГАМБРЕ

Не воздух – медленная лава,
не солнце – выгоревший бубен,
цыганок бешеные пляски,
и звон гитар, и кастаньеты
летят, как скорлупа орехов,
и ударяются о камни.
Вверху, над площадью соборной
ни облака, лишь око Божье.
Под ним бесстыдная цыганка,
хитро подмигивая, чертит
кривые линии, квадраты,
кресты и прочую мороку
в ладони молодой девицы,
а та, не видит и не слышит,
как цыганёнок осторожно
из сумки вытянул банкноты
и, незамеченный, уходит.
В тени акаций смуглый мальчик
меня касается несмело,
и улыбается, и плачет –
еще душа не знала страсти.
Мой бедный выросший ребёнок,
я разучилась жить по сердцу,
а ты проснулся слишком рано,
чтоб петь о счастье и разлуке.
Два голубя, сорвавшись с крыши,
летят сюда, где у фонтана
я хлеб крошу им и не помню,
откуда у меня фиалки,
и эти яркие одежды,
и взгляд испуганной газели.

если проснуться – то где-нибудь далеко...

если проснуться – то где-нибудь далеко,
в жесткой постели – душной, как Палестина,
старого времени скисшее молоко
переплывая под пение бедуина.

если запомнить – то вечный изгиб горы,
свет, удивленье, голубя над водою,
тени волхвов, несущих Ему дары,
ангелом ли ведомых, или звездой.

если шептать – то четырнадцатый псалом
в белом полудне, выжатом из жасмина,
там где горячий ветер шепнет «Шалом...»
вслед за твоим «Во имя Отца, и Сына...»

* * *

Продли, Господь, весну мою в раю.
Пошли снега, но только не изгнание!
Какие птицы легкие поют –
Ни серебра не просят, ни признанья...

Позволь и нам такую верой жить,
Чтоб не стенать у запертой передней,
И в черный день давать, а не просить,
И ни о чем не сожалеть в последний.